

Беседа с Сергеем Трахимёнок, известным в России, Беларуси и Украине писателем, сценаристом, членом Союзов писателей России и Беларуси, доктором юридических наук и профессором, состоявшая после заседания секции исследователей русской словесности на XVIII Международной конференции «Риновские чтения-2014» в Феодосийском литературно-мемориальном музее А.С. Грина.

Е.Х.: Сергей Александрович, спасибо, что уделили время для разговора в вашем напряженном графике педагогической работы, встреч с читателями, презентаций, конференций и пр. У меня, как и у многих ваших читателей, накопилось множество вопросов к вам как к человеку творческому. Для начала расскажите, какие книги и фильм вы сегодня представили «на суд» почитателям творчества А. Грина, литературоведам-руссистам и искусствоведам?

ДОСЬЕ «ЛГ» Сергей Александрович Трахимёнок родился 7 февраля 1950 года в городе Карасук, Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. С 1990 года живет в городе Минске. Доктор юридических наук, профессор. Член союзов писателей России и Беларуси. Признанный мастер остросюжетной прозы. Автор тридцати книг, выходящих в издательствах Минска, Москвы и Санкт-Петербурга. Четырнадцать кино и видеопольмов, снятых по его сценариям. Обладатель «Золотого купидона» – национальной литературной премии 2008 года – за роман «Синдром выгорания» (Беларусь). Лауреат литературной премии Уральского федерального округа 2012 года за роман «Чаша Петри, или русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия). Дипломант национального кинофестиваля в Бресте (Беларусь-2007) и «Бородинская осень» (Россия-2008) за сценарий фильма «Чуть смелее других». Фестиваль спортивных фильмов в Липецке (Россия-2012) за сценарий фильма «Терновые венки Олимпа».

Сергей ТРАХИМЁНОК: «Писатель и его книги – это боль, а не врач или учитель...»

С.Т.: Сегодня я подарил музею Грина две своих книги «Родная кривянка» и «Генем Ньютона», а также показал первый фильм в сериале «Испытание», снятом на Белорусском телевидении в этом году. На первый взгляд, фильм не имеет отношения к творчеству Грина, но в программе заявлен интерактивный доклад «Грин и война», поэтому и этот фильм попал в контекст конференции.

Е.Х.: Но Грин не дожил до Второй мировой войны? С.Т.: Разумеется, однако существует гипотеза того, что это была единая мировая война, которую пришлось прекратить в 1918, поскольку исчерпан был ресурс воюющих сторон, а затем, через двадцать с лишним лет, возобновить, вооружив будущие воюющие стороны современным оружием.

Е.Х.: Тема «Судьба человека и война» доминирует уже несколько десятилетий в прозе белорусских писателей. Впечатляют произведения В. Быкова, И. Чирниова, И. Науменко, А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника и др. Ваша «военная проза» («Дело лейтенанта Приблигина», «Крошки», «Родная кривянка», «К торжественному маршу», «Эхо забытой войны») занимает достойное место в этом ряду. Как вам удалось создать такие яркие картины событий и описать судьбы героев в вихре этих исторических событий и жизненных испытаний?

С.Т.: Мне не оценивать, почему или как это удалось. Скорее всего, здесь сработал эффект, который можно назвать «стри в одном». Сами судьбы прототипов, трагедия войны и плюс та ситуация, которая возникла на рубеже восьмидесятых и девяностых годов прошлого века. Когда на волне смены парадигмы общественного развития прошедшая к власти элита, пытаясь укрепиться, активно дискредитировала советский период истории, и в том числе победу народа в Великой Отечественной войне. Сами участники той войны уже не могли в силу возраста дать достойный отпор. И адекватное отражение событий того времени в произведениях авторов, которые родились после той войны, попадало в систему глубинных ценностей и ориентиров, традиционно присущих данному цивилизационному пространству. Хотя это было не их война, и их произведения весьма точно названы критиками «эхом войны».

Е.Х.: В «Родной кривянке», «Белли пуэрри», «Крошках» вы развиваете тему детей-жертв, которые берут на себя грехи человечества, страдают в мире, охваченном пламенем войны, агрессии, духовной деградации. Какая из книг вам наиболее близка? С.Т.: Они мне близки все, иначе я бы их не писал. Но в тему детей-жертв более всего попадает повесть – «Белли пуэрри». Она складывалась из судеб детей, которые оказались на оккупированной врагом территории Белоруссии с 1941 по 1944 год. Это и перволашка Клара Орлова, дочь секретаря райкома, родственники которого боялись приютить девочку у себя, и ей пришлось жить, где придется. Это Геннадий Юшкевич, в тринадцатилетнем возрасте со взрослыми воевавшими в разведке группе ГРУ «Чайка», Ирина Голубева, пятнадцатилетней девочкой попавшая в концлагерь с матерью. Константин Ермилов, создавший в райцентре Калинин-

ПИСАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ

В этом вся мудрость автоковцев в жизни и авсюковцев в повести. Е.Х.: Еще об одной из современных угрозах, угрозе «холодной войны», вы рассказываете в шпионском романе «Записки «черного полковника». Какая авторская концепция положена в его основу? С.Т.: Как в любом «шпионском романе» центральная линия – взаимодействие разведки и контрразведки. Но в романе два временных пласта и можно сравнить, как осуществлялось это взаимодействие в пятидесятые годы и в наше время. Это для тех, кому важен острый сюжет. Те же, кто будет смотреть глубже, увидят, что роман – своеобразное подведение итогов «холодной войны». Которая завершилась четверть века назад и в которой назначен проигравший, а вот победители, почему-то, не торопились одеть на себя лавровые

С.Т.: У вас есть очерки на эту тему? С.Т.: Да, это была публицистика конца девяностых – начала нулевых «Война в объективе лейки», «Капля в океане победы» и др. Е.Х.: Отдельного внимания заслуживают повесть «По следам Таманцева», написанная в жанре «нон-фикшна». Расскажите, как вы ее создавали. С.Т.: С повестью «По следам Таманцева» произошла следующая история. Я хотел написать сценарий об одной из партизанских групп, в которой воевали бывшие красноармейцы, оказавшиеся в окружении. Группой командовал Михаил Шаповал. После окончания войны они, поскольку не были белорусами, были туда, откуда призваны в армию. Однако информация о данной группе в книге о партизанском движении в Белоруссии была скудной. И тут бывшие пограничники рассказали мне, что на Дальнем Востоке живет противник богомольского Таманцева. Я решил поехать туда и написать сценарий о нем. Но человек, о котором шла речь, умер, а вот в местном краеведческом музее я нашел дневник одного из бойцов группы Шаповала Трубинка.

Е.Х.: Очень интересна судьба героя повести «Петля Морбута». Расскажите о нем подробнее. С.Т.: Еще будучи мальчишкой, в каком-то спортивном журнале я увидел фамилию Р. Кышша. Прошло полвека, и я в Беларуси познакомился с этим удивительным человеком, писателем, тренером, чьи ученицы принесли Советскому Союзу пять золотых и много серебряных медалей другого достоинства на Олимпийских играх. Он и стал прототипом главного героя повести Ивана Крыла. Правда, следует отметить, что повесть я писал уже после того, как кинематографисты не заинтересовались сценарием к полнометражному фильму с аналогичным названием.

Е.Х.: Сегодня, как никогда, актуальным является вопрос об угрозе экологической катастрофы. Вы поднимаете эту злободневную тему в «Святочном детективе» («Милениум в Авсюках»). Действие разворачивается в некоем селении в Беларуси после чернойбыльской трагедии. Расскажите подробнее об «авсюковцах». С.Т.: Литературная деревня Авсюки имеет реальный прототип, село Автюки в Калининском районе Гомельской области. Село является аналогом болгарского города Габрово. Что долго не рассуждать и понять, кто живет в Автюках – короткий анекдот об автоковцах. В советские времена летит самолет из Гомеля в Киев. В кабине пилота входит стюардесса и говорит: два автоковца просят открыть двери, хотят сойти на ходу. – Не открывай, – кричит один из пилотов, – вчера вот так же двое попросили над Автюками сойти, а четверо автоковцев в самолет запрыгнули. В повести за внешним зубокальством скрывается характер белорусов, которые попали в чернобыльскую зону, однако не впали в депрессию по этому поводу.

Е.Х.: Вероятно, мудрость народная заключается также в умении выживать, постепенно бороться с проблемой и не впадать в депрессию? С.Т.: Как-то в Гомель приехал англичанин и посетил выставку картин о жизни в Чернобыльской зоне. Он сказал одному из художников, что посетил Автюки и не нашел там уныния и скорби, как не нашел ее в прочих картинах выставки, а ведь именно Гомельская область больше всего пострадала от Чернобыльской катастрофы. На что художник мудро ответил: – Если ты попал в катастрофу и тебе оторвало ногу, то это вовсе не значит, что ты должен писать себя только одноногим.

С.Т.: Я придерживаюсь иного мнения. По-моему, писатель и его книги, скорее всего, боль, а не врач или учитель. Хотя при определенных обстоятельствах боль может быть и врачом, и учителем. Удалось ли мне отразить эту боль, помочь найти лекарство от нее? Пусть ответят мои читатели.

Е.Х.: 7 февраля вы будете отмечать свой юбилей. 65 – это не только дата, но и жизнь, огромный опыт и ответственность. Вы можете нам сообщить «предварительные итоги» ваших трудов, сколько уже скопилось книг в вашем арсенале, сценариев, фильмов? С.Т.: Поскольку я не подвожу итоги, то и не могу сказать точно. Наверное, будет ближе к истине сказать, что книг за эти годы издано более трех десятков, а кино и видеофильмов по моим сценариям снято в два раза меньше.

Е.Х.: И напоследок, невозможно обойти без традиционных вопросов о планах и задумках на будущее? Ваши мечты? Что нас, ваших читателей и почитателей, ждет в ближайшем будущем? Вы поделились замыслами нового романа? С.Т.: В задумках и даже в живую несколько книг. Но говорить о них я не буду. У меня стало привычкой говорить, что я буду работать над книгой, когда эта работа уже закончена...

Сергей Трахимёнок встречает свой 65-летний юбилей в «добром здравии», с высокими научными и литературными результатами. После «нашумевшего» романа «Синдром выгорания» (2008), за последние несколько лет писатель порадовал своих читателей ин-

тереснейшим романом «Чаша Петри, или русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (2012), повестью «Генем Ньютона» (2014), несколькими рассказами, киноповестями. На суд зрителя он вынес свой новый фильм «Уроки физиогномики», монопоэсу «Прощание с дворянством». Смысл его прозы не сводится к определенным мнимым, новосибирским, московским или «авсюковским» историческим и географическим реалиям определенного времени. Нельзя их также четко «перекалывать» на опыт жизни самого автора. В его произведениях, как в истинно художественных, проявляется гораздо большее и значимое, простирается образ просто России, образ просто Беларуси.

Беседавала Елена ХМЕЛЬНИЦКАЯ

13 февраля исполнилось 65 лет замечательному крымскому поэту, живущему в Симферополе – Леониду Леонидовичу Ярмушевичу. Им прожита большая творческая и трудовая жизнь, насыщенная разными событиями – и хорошими, и не очень. Родился он в Донбассе в г.Славянске. Получил высшее педагогическое образование, что позволило ему в дальнейшем применить свои знания как журналистике, так и на военной службе, которой он посвятил всю свою дальнейшую жизнь, уволившись в запас в звании подполковника. По-

этическое творчество было и есть одной из главных составляющих судьбы Леонида Ярмушевича. Им издано двенадцать стихотворных сборников, которые всегда очень тепло принимались как в читательском кругу, так и в литературной среде. Леонид неоднократно становился лауреатом различных поэтических конкурсов и фестивалей, в том числе и лауреатом международной литературной премии им. В. Союры. Является членом обновленного Союза писателей Крыма. Последняя изданная им книга со щемящим сердцем названием «Донбасса горькая поляна...» Все мы наблюдаем сердце названием «Донбасса горькая поляна...» Все мы наблюдаем сердце названием «Донбасса горькая поляна...» Все мы наблюдаем сердце названием «Донбасса горькая поляна...»

Слово, сказанное мимо, Наудачу. Невзначай. В гущу лет. Необротимо. В бездну «здравствуй» и «прощай».

Виктор Владимирович Ингеров запомнился мне по нескольким встречам в библиотеке №9 им. А. Ахматовой. Запомнился удивительными стихами и личными качествами, оставившими теплые чувства. Он приходил знакомить нас со своей новой книгой «Глубина резкости». Непривычный формат, раздумье, вступления и красивые, глубокие стихи. Доверительный разговор о себе, о своих беспокоящих мыслях. Осмысление минувшего и бережное отношение к памяти. Минувшего таинственные знаки Раскроются, когда наступит срок...

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Крымский излом. Записки свидетеля

Михаил Колесов написал книгу «Крымский излом. 1994. Записки свидетеля». А московское издательство «Голос-пресс» издало ее тиражом в 1000 экземпляров, что совсем немало по нынешним временам для такого жанра, как non-fiction, к которому она, эта книга, несомненно, относится. Книга имеет подзаголовок «записки свидетеля», но, познакомясь с текстом, понимаешь, что автор не просто свидетель, он активный участник всего происходящего. Ему недостаточно быть бесстрастным сторонним наблюдателем. Валь он в расцвете сил. Недавно вернулся из заграничной многолетней командировки, защитил докторскую диссертацию в родном Ленинградском университете, но волею судьбы и личных обстоятельств оказался в столице Крыма, где возглавил кафедру университета. Он пишет аналитические статьи в местные газеты, готовит с коллегами учебник для студентов вузов и даже принимает участие в выборах в Верховный Совет Крыма. Но, увы, прогибает сет дежен на раскрутку, на сбор подписей. Нет крутой материальной поддержки от банкетов и коммерсантов, как у некоторых кандидатов. Зачем тогда вылезать? Что это – политическая наивность? Скорее, нет. Это привычка опираться на те ценности, которые впитаны с молоком матери. Он не может лгать людям, обещая то, что невыполнимо.

Начало книжки детективно-интригующее. Вот первый абзац: «Ранним вечером 4 декабря 1993 года черная «Волга-24» подъезжала по московской трассе к Симферополю. Дорога в этот час была пустыня... Дорога оставалась несколько минут. Неожиданно из боковой проселочной дороги на трассу выехал КамАЗ. Шофер «Волги», вероятно, даже не успел ничего понять. Погибли все, кроме водителя грузовика. В машине находились Яков Алтер, самый популярный кандидат на предстоящих в январе 1994 года первых выборах президента Автономной Республики Крым». Как известно, у нас страна с непредсказуемым прошлым. Историю переписывали не один раз и не два. Что там маячит впереди – одному богу известно. Может, кто-то из наших потомков в связи с изменением социально-политического климата возьмется перекарывать минувшие события, назначать

С ЮБИЛЕЕМ!

«Глубина резкости», конечно, стала книгой часто читаемой, вызывающей желание прикоснуться к мысли, наслаждаться фразой. И в скорбные дни пришли строчки. ПАМЯТИ В. ИНГЕРОВА От родных и знакомых, и близких Чуть в стороне – я, в общем, чужая. Никнут шляпки цветочные низко – Мы Поэта, скорбя, провозжаем. И скорбит в сумке томих стихов, (Не по дружбе, случайно подарен), Там автографом розскер у слов: «За внимание благодаре!»

ПАМЯТИ ПОЭТА

«Средь чеканных, уверенных строчек Слов игра или горечь предчувствий? Ну, зачем... Вы себя так досрочно Устраивая из жизни грядущей.

ПАМЯТИ ПОЭТА

И эта боль. Безымянная и злая, Которой и подсушен, и раним. И эта жизнь. Незрячная, земная, Где каждый день с минувшим не сравним...

С ЮБИЛЕЕМ!

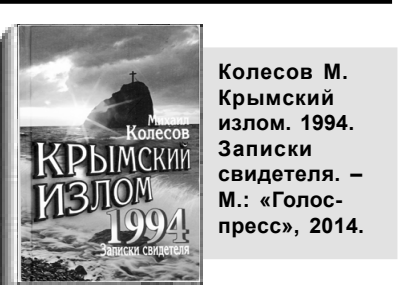
знакомые. И это стихотворение из книги – это крик его души: Донбасс. Расстрелянный июль. От напряжения вздулись вены. Передо мной родные стены Без крыши, со слезами пуль. Скрипят в саду ссорившие качели. Летят в пыль убитые ищущие. Их равнодушно расстреляли пушки. Лишь память убитой не смеши. Она открытой раной остается. Вплоть до исхода наших дней. И будет еще долго из колодца Глядеть глаза замученных детей.

По поручению коллег – Владимир Грачев, поэт-бард, заслуженный работник культуры Республики Крым и бывшей Украины, Симферополь

ПАМЯТИ ПОЭТА

И эта боль. Безымянная и злая, Которой и подсушен, и раним. И эта жизнь. Незрячная, земная, Где каждый день с минувшим не сравним...

Колесов М. Крымский излом. 1994. Записки свидетеля. – М.: «Голос-пресс», 2014. лезно для здоровья, но вредно для настроения. Хотелось бы отметить привлекательную черту в этой книжке. При всем диссонансе в истории и трагизме тогдашней жизни, в повествовании нет чувства удушья. Стакан, скорее, наполовину полон, чем наполовину пуст. Конечно, здесь нет особого веселья и голого оптимизма, но как-то присутствует на втором что ли плане некое умение не слишком огорчаться тяжелыми обстоятельствами, как-то выкручиваться, изворачиваться, добывать средства на проживание и верить, что вот-вот все образуется. Автор не всегда располагает денежками для покупки батона и молока, а вот вино на столе присутствует постоянно. То ли это вредная французская привычка, невест отсюда приобретенная, то ли херес в те смутные времена стоил ниже батона. В книге мелькают имена политиков и общественных деятелей, которые и сегодня, в 2015 году, будучи в другой стране, остаются на тех же властных орбитах. Все меняется, все происходит, только некоторые политические чиновники, похоже, бессмертны. Да, вот что еще добавляет читательского интереса к этой книге. Автор как бы излучает некую культурологическую ауру. Он прекрасно знает живопись, обожает французских импрессионистов, заядлый театрал, посетитель филармоний и концертов классической музыки. Он лично знаком с людьми, имена которых хорошо известны за пределами наших степен. Здесь и театральные режиссеры, и писатели, дирижеры симфонических оркестров, издатели и главные редакторы журналов. В общем, компания – будь здоров. Не буду пересказывать яркие эпизоды «Крымского излома», потому что при этом исчезнут вкус и аромат первоисточника. А этот грех я брать на себя не желаю.

Виктор ЛЯНОВЕНКО Севастополь

